

— То есть всё ради Канона Печали и Разлуки? — Гу Юаньлинь перешёл прямо к делу. — Но ведь вы только что сами всё обыскали, Канона Печали и Разлуки у нас нет, так что от того, что вы нас схватили, толку никакого. К тому же о том, что я прибыл в Город Силинь, прекрасно знают все в Секте Сяояо. Думаю, мне не нужно объяснять, как сильно глава Секты Сяояо дорожит своим единственным наследником, и Глава Цю сам должен это понимать. Если со мной что-то случится, полагаю, Главе Цю придется несладко с отчетами.

— Ты мне угрожаешь? — на лице Цю Янфэна промелькнуло недовольство.

Гу Юаньлинь продолжил:

— Ни в коем случае, я лишь хочу заключить с Главой Цю одну сделку.

— О? Можешь послушать, и если это меня заинтересует, я, пожалуй, подумаю.

Цю Янфэну, казалось, было не занимать терпения к ним обоим.

Гу Юаньлинь чувствовал, что этот настоящий Цю Янфэн и впрямь невероятно переменчив в настроении. Каждое его движение напоминало игру с обреченной на съедение добычей, от чего сердце замирало от страха.

По сравнению с ним фальшивый Цю Янфэн казался уже не таким противным.

Гу Юаньлинь покачал головой, прогоняя дурацкие мысли, и заговорил:

— Отпусти нас, и мы сделаем вид, что ничего сегодняшним вечером не видели, а выбравшись наружу, во веки веков не пророним ни слова о твоей истинной личности.

Он замолчал, словно посчитав это недостаточно убедительным, и добавил:

— Клянусь Секитой Сяояо, ни единого слова лжи.

Гу Юаньлинь заметил, что стоящий перед ним хозяин поместья Цю вроде бы сменил гнев на милость, и когда он уже было обрадовался, надеясь на успех сделки, холодный голос Цю Янфэна прозвучал вновь:

— Только мёртвые умеют хранить секреты. Никакие клятвы, никакие семейные узы — я не верю ничему из этого!

— Более того, — туманно бросил Цю Янфэн, — даже если ты согласишься молчать, согласится ли с этим стоящий рядом с тобой молодой господин Юнь?

— Юнь И? При чём тут он? — озадаченно посмотрел на спутника Гу Юаньлинь.

— Хм... Похоже, ты еще не знаешь его —

Цю Янфэн не успел договорить, как Юнь И прервал его:

— Убив нас, вы всё равно не получите Канон Печали и Разлуки.

— Вот как? Предлагаю проверить, — леденяще усмехнулся Цю Янфэн и отдал приказ: — Му Ян.

Только затихло эхо голоса, как Гу Юаньлинь увидел, что человек по имени Му Ян — тот самый поддельный Цю Янфэн — перехватил в руке меч телохранителя. Клинок послушно взмыл в воздух, вычертив в вышине изящную петлю, и в следующее мгновение острое преградило путь к горлу Юнь И.

— Стойте!... Глава Цю, что это значит? — на лице Гу Юаньлинь мигом исчезло прежнее хладнокровие, и он крикнул, вспыхнув от гнева: — Глава Цю, давайте обо всём договоримся мирно, разве можно так махать оружием, это же переходит все границы!

Цю Янфэн легко вздохнул, и смысл его слов ускользал:

— Из-за любви рождаются тревоги, из-за любви рождаются страхи.

Эти слова были обращены словно к Гу Юаньлиню и Юнь И, но взгляд его скользнул в сторону Му Яна.

Глядя, как в глубоких, подобных холодному омуту глазах Цю Янфэна мало-помалу тает лед, уступая место весенней ряби, Гу Юаньлинь всё понял, и его догадка окончательно укрепились.

Веер с изображением ночного цветка туберозы, особое внимание к Му Яну, фраза «Странствия юности» на письменном столе, а еще этот насмешливый тон, с которым Цю Янфэн смотрел на него и Юнь И... Всё это выдавало: отношения Цю Янфэна и Му Яна совсем не так просты, как кажутся на первый взгляд.

Или, вернее сказать, чувства Цю Янфэна к Му Яну были весьма необычными.

Потому что Гу Юаньлинь пока не мог прочитать отношение самого Му Яна. Характеры Му Яна и Цю Янфэна отличались как небо и земля: один был безумен до крайности, другой — до предела хладнокровен; один непостоянен, другой — безмятежен.

И всё же именно те, кто кажется переменчивым и несдержанным, легче всего выдают свои чувства, и чувства эти обычно властны и паляще-горячи.

Если рассуждать так, то Му Ян, пожалуй, и есть слабое место Цю Янфэна.

Сообразив это, Гу Юаньлинь не удержался от мысленного фыркания: «Ого, а вы, древние люди, оказывается, такие современные? На вашем фоне я выгляжу просто махровым консерватором!»

После трехсекундного зависания мозг Гу Юаньлиня моментально перезагрузился, и он нарочито туманно заговорил:

— Глава Цю, давайте всё обсудим. Боль, что таится в вашем сердце, мне совершенно понятна, но зачем же человеку, познавшему бурю, срывать зонт с чужих голов? Зачем заставлять трагедию повторяться и на нашей судьбе?

— Понятна? — холодно фыркнул Цю Янфэн. — Такие баловни судьбы, как вы, разве способны понять мою боль? — взревел он, и хриплый голос его звучал голосом загнанного в угол зверя.

— Глава Цю, в мире нет ничего постоянного, и кто из нас лишен сожалений? Но всё содеянное в мире — словно иллюзия и сон, как роса на траве и вспышка молнии, и зреть на него подобает именно так. Раз уж Глава столь искушен в Алмазной сутре, как он может не ведать этой истины? К чему же так упорствовать?

Юнь И, несмотря на приставленный к горлу меч, сохранял невозмутимость и бесстрашно, без заискивания препирался с Цю Янфэном.

Гу Юаньлинь понятия не имел, что за сутры и молнии упоминал Юнь И, да ему сейчас было и не до того: он не сводил глаз с меча в руках Му Яна, смертельно боясь, что тот по неосторожности ранит Юнь И.

— Ха! Ха-ха-ха... — Цю Янфэн вдруг опустил голову, тихо усмехнулся, а затем разразился хохотом. Каждый новый раскат смеха звучал пронзительнее предыдущего, и Гу Юаньлинь невольно втянул голову в плечи, чувствуя, как по спине катятся капли холодного пота.

В этом Цю Янфэне определенно жила искра безумия!

Окажись он в современности, его непременно следовало бы отправить на обследование к психиатру.

Подняв голову, Цю Янфэн глянул на них глазами, покрасневшими до вида разъяренной ядовитой змеи, и проскрипел хриплым голосом:

— Отпустить? Ты советуешь мне отпустить обиду? Взгляни на мои ноги! Как ты предлагаешь мне простить и забыть это?

В глазах Юнь И мелькнули сострадание и вина. Помедлив мгновение, он не удержался:

— Глава Цю, ваши ноги...

— Хочешь узнать, как я лишился возможности ходить? — лицо Цю Янфэна омрачилось мрачной злобой, а на дне зрачков проступила странная, почти возбужденная радость.

Не дожидаясь ответа Юнь И, он продолжил сам:

— За это стоит сказать спасибо моему величайшему отцу! Ради процветания нашего Павильона Жо Ся, ради чести и статуса семьи Цю, ради своего смехотворного поста главы он запросто пожертвовал собственным сыном! В его глазах я стоил меньше, чем бездушный камень!

Каждое слово было пропитано скрежетом зубовным.

— Ха! Разве это не уморительно? — снова рассмеялся Цю Янфэн. — Он собственными глазами смотрел, как меня сталкивают со скалы. Я плакал и молил о помощи, кричал: «Отец, спаси меня!», но он не пожелал меня спасти. Он не захотел отдавать Нефритовую Субстанцию Струящегося Снега ради моего спасения! Мне было всего семь лет, тогда мне исполнилось лишь семь... И я мог только падать в пропасть, чувствуя, как камни и ветки деревьев полосуют мои ноги до кровавого мяса. Тогда я думал лишь о том, как хорошо было бы умереть побыстрее: смерть избавила бы меня от боли.

Но я не умер. Небо позволило мне выжить, но отняло мои ноги, обрекая влачить жалкое существование калеки, — он закрыл лицо руками, а голос его упал до зловещего шепота: — Раз уж меня не смогли убить, я уничтожу всех, кто предал меня.

Медленно подняв взгляд на Юнь И, он в упор уставился на него своими узкими фениксинскими глазами, в которых не осталось и следа эмоций, и холодно произнес:

— Ты говоришь, я одержим? Будь я и впрямь одержим, исчез бы не один лишь Цю Чэнлинь, а весь Павильон Жо Ся целиком.

— Что? — изумленно выдохнул Юнь И, не веря собственным ушам.

— Цю Чэнлинь? — имя показалось Гу Юаньлиню смутно знакомым. Напрягши память, он наконец сообразил: Цю Чэнлинь — это ведь отец Цю Янфэна, прежний глава Павильона Жо Ся.

Цю Янфэн... он что же... собственными руками убил собственного отца!

Юнь И был потрясен куда сильнее Гу Юаньлиня. Похоже, не в силах поверить услышанному, он даже подался вперед в порыве чувств:

— Ты... да как ты...

— Юнь И, не дергайся! — испуганно вскрикнул Гу Юаньлинь.

К счастью, Му Ян обладал отменной реакцией и вовремя отвел меч чуть в сторону, так что Юнь И не пострадал.

Му Ян всё-таки отличался от Цю Янфэна — по крайней мере, казалось, что он вовсе не жаждет причинить им вред, особенно Юнь И, — промелькнуло в голове у Гу Юаньлиня.

— Что, удивлен? — усмехнулся Цю Янфэн. — Сбрось эту фальшиво-праведную маску, молодой господин Юнь! Ты думаешь, твой отец — великий праведник? Он всего лишь показушник, алчущий пустой славой.

— Ты... — лицо Юнь И мгновенно побелело от гнева, слова застряли в горле.

— Глава Цю, ну это вы уже перегибаете палку, — вмешался Гу Юаньлинь, моргая своими большими честными глазами. — Хотите ругаться — ругайтесь, но родителей-то зачем приплетать? К тому же Юнь И вовсе не фарисей, он самый что ни на есть настоящий праведник, ручаюсь! Честнее человека просто не сыскать на свете.

Сказав это, Гу Юаньлинь глянул на Юнь И, но тот, неизвестно почему, отвернулся и демонстративно перестал обращать на него внимание.

«И меня заодно приложили», — Гу Юаньлинь шмыгнул носом, изображая абсолютную невинность.

Му Ян покосился на него с явным раздражением, и взгляд его ясно говорил: «Заткнись уже!»

Цю Янфэн же, вопреки ожидания разгневаться, вдруг рассмеялся:

— Раз молодой господин Гу так рьяно заступает за молодого господина Юня, давай заключим сделку и с тобой, а?

— Слушаю Главу Цю.

— Ты отдаешь мне Канон Печали и Разлуки в обмен на жизнь Юнь И. Справедливая сделка, как считаешь?

<http://bllate.org/book/21865/2269501>